

Л. М. Чичагов

**Сборник речей, посвященных
памяти кн. Сергея
Николаевича Трубецкого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. М. Чичагов**
Сборник речей, посвященных памяти кн. Сергея Николаевича Трубецкого / Л.
М. Чичагов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 63 с.

ISBN 978-5-458-54492-4

ISBN 978-5-458-54492-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настоящій сборникъ составленъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Московскомъ Университетѣ въ засѣданіи Студенческаго Научнаго Общества памяти кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого 16 марта 1908 г., посвященномъ памяти покойнаго профессора.

Общество не случайно начало свою жизнь съ чтенія памяти человѣка, съ именемъ котораго оно связало свою судьбу. Имя кн. Сергѣя Николаевича вызываетъ въ душѣ не только образъ любимаго профессора и рѣдкаго по высокому благородству человѣка: для всѣхъ, живущихъ университетскою жизнью, это имя — широкая программа, цѣлое міровоззрѣніе, оставившее глубокій слѣдъ въ жизни не одного только Московскаго Университета, которому покойный профессоръ и ректоръ отдалъ столько силъ своей недолгой жизни. Не одинъ студентъ хранитъ въ себѣ завѣты кн. Сергѣя Николаевича, и воплощеніемъ этихъ завѣтовъ явилось наше Общество.

Въ то памъ вѣзмъ памятное время, когда общій кризисъ русской жизни извнѣ и извнутри разрушалъ Университетъ. Сергѣй Николаевичъ сдѣлалъ попытку бросить въ него живое сѣмя культурнаго возрожденія, основавъ студенческое Историко-Филологическое Общество *).

Съ обычной проникательностью и тонкостью своей мысли онъ полагалъ, что тѣ силы, которыя студенты такъ щедро отдавали дѣлу обновленія русской жизни, направлены не по благому пути. Онъ думалъ, что Университетъ, служа своему прямому назначенію и развиваясь, какъ оплотъ русской культуры, дастъ больше этому дѣлу. Но стихійное настроеніе помѣшало студентамъ услышать и понять слова кн. Сергѣя Николаевича, и брошенное имъ сѣмя было растоптано тѣмъ, къ кому обращался онъ за содѣйствіемъ. Затѣмъ

*) Исторію этого общества см. въ статьѣ А. П. Анисимова. *Вопр. филос. и психологіи*. 1906 г. кн. I.

надъ Университетами пронесся ураганъ, разрушительные слѣды котораго не стерлись до настоящаго времени, и еще не мало тяжелыхъ дней сулитъ будущее русскимъ Университетамъ.

Основателямъ студенческаго научнаго общества памяти кн. С. Н. Трубецкого думалось, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ огражденія отъ возможныхъ невзгодъ явилось бы повышение культурнаго темпа и интенсивности университетской жизни, которое возможно только при дѣятельной инициативѣ самихъ студентовъ.

Сплоченіе товарищей вокругъ научно-культурныхъ задачъ и интересовъ, внесеніе въ ихъ среду терпимости къ чужому мнѣнію, чѣмъ только и дается возможность понять и оцѣнить его,—вотъ путь, который поведетъ къ внутреннему росту духовной жизни въ университетѣ и послужитъ лучшимъ укрѣпленіемъ академической свободы, такъ какъ съ одной стороны ярче всего откроетъ внутреннюю ея необходимость и неизбежность, а съ другой — создастъ атмосферу, которая предохранитъ Университетъ отъ распада въ тяжелый часъ.

Такъ понимаетъ молодое Общество завѣты кн. Сергѣя Николаевича и, сознавая ихъ глубокую мудрость, будетъ стараться, поскольку это въ его силахъ, осуществить ихъ. Тѣмъ самымъ Общество памяти кн. С. Н. Трубецкого является наслѣдникомъ дѣла Историко-Филологическаго общества, и это побудило Общество связать свою дѣятельность съ именемъ кн. Сергѣя Николаевича. Вотъ также почему Общество рѣшило издать отдѣльнымъ сборникомъ рѣчи, посвященныя его памяти. Хотя многія изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе обществу хотѣлось собрать ихъ вмѣстѣ, чтобы личность и міровоззрѣніе кн. Сергѣя Николаевича, съ разныхъ сторонъ освѣщенный въ этихъ рѣчахъ, встали изъ нихъ въ единомъ и живомъ образѣ, столь привлекательномъ и дорогимъ для всѣхъ его знавшихъ.

Черты міровоззрѣнія кн. С. Н. Трубецкого.

Рѣчь проф. В. И. Вернадскаго.

I.

Послѣ смерти кн. С. Н. Трубецкого не прошло и трехъ лѣтъ. Еще въ этихъ стѣнахъ—молодежь, которая его помнитъ и знаетъ лично, для которой онъ былъ учителемъ. Она еще не успѣла возмужать. Еще не смѣнилось даже одно университетское поколѣніе. А между тѣмъ, какъ все кругомъ измѣнилось!

Въ тяжелое и мрачное время намъ приходится жить, но его время было еще безотрадище. Свинцовыми, безпросвѣтными сумерками была охвачена университетская жизнь — отраженіе жизни Россіи. И казалось не было выхода. Густой туманъ безсилія тяжелой неленой ложился на человѣческую личность. Изскакала вѣра въ будущее. Въ это время росъ и воспитывался духъ маловѣрія въ историческую роль русскаго народа, тяжелымъ вѣковымъ трудомъ и страданіями создавшаго великую міровую культурную силу. Въ это время изъ тяжелаго настоящаго не видно было лучшаго будущаго; оно казалось навѣки потеряннымъ, недосигаемымъ. Переоцѣнивались силы защитниковъ стараго. Университетъ замиралъ въ тискахъ этихъ порожденій общественнаго гнѣнія.

Въ это тяжелое время ярко засіяла свѣтлая личность Сергія Николаевича. Быстро засіяла на всю Россію и такъ же быстро загасла. Хрупкая тонкая жизнь надорвалась въ тяжелой обстановкѣ современности.

Вся его жизнь была *борьбой*. Это не была борьба политика, не была борьба челоѣка улицы или газетнаго дѣятеля,—это была борьба свободной мыслящей челоѣческой личности, не подчиняющейся давящимъ ее рамкамъ обыденности. Своимъ существованіемъ

и непреодолимым проявленіем себя самой она будила кругомъ мысль, возбуждала новую жизнь, разгоняла сгустившіеся сумерки. Та борьба, въ которой прошла жизнь Сергія Николаевича, была борьбой ученаго и мыслителя—она была проявленіемъ вѣковой борьбы за свободу мысли, научнаго исканія, человѣческой личности. Она была борьбой потому, что смѣло и твердо Трубецкой проявлять *свою личность* въ чужой ей обстановкѣ общественной заботности, общественнаго отчаянія, узкой кружковщины.

Свободный, гордый духъ его безтрепетно шелъ своей собственной дорогой.

И во всей его недолгой жизни ярко выступалъ этотъ элементъ искренности и смѣлости личнаго самоопредѣленія. Имъ оживлялось столь быстро прерванное въ самомъ началѣ его философское творчество.

II.

Философская мысль отражаетъ, можетъ быть, болѣе глубоко человѣческую *личность*, чѣмъ какая-нибудь другая форма человѣческой дѣятельности. Въ наукѣ, въ религіи и въ искусствѣ, въ государственномъ творествѣ неизбѣжны рамки, созданныя вѣковымъ трудомъ поколѣній, невольно вдвигаютъ личность во многомъ въ чуждую ей обстановку. Они стираютъ элементъ личности—по вездѣ приходится считаться съ другими людьми, съ ихъ трудомъ, съ ихъ работою, съ ихъ вкусами, понятіями и представленіями. Приходится идти плечо о плечо съ ними, вмѣстѣ класть камень общаго зданія—приходится искать общаго языка, такъ или иначе дѣйствовать на чуждую душу. И въ этомъ стремленіи, можетъ быть, раздаются новыя мотивы, получаютъ такіе глубокіе отзвуки, которыхъ напрасно мы стали бы искать въ философіи, но въ то же время невольно личность приравнивается къ общимъ формамъ—въ своемъ творествѣ она связана чужими, готовыми, вѣкъ ей воли стоящими рамками.

Этотъ элементъ есть и въ философіи, но не онъ составляетъ самую характерную, самую господствующую черту философскаго творчества. Это творчество является главнымъ образомъ отраженіемъ человѣческой личности, результатомъ ея самоуглубленія. Несомнѣнно

и богатый материал общественной жизни, и интуиции и концепции религии, и великие создания искусства дают материал для этого творчества. Необходимо научная мысль и научные завоевания кладут предель его применения. Но в оставляемых ими — по существу бесконечных — рамках, творческая мысль философа свободна. Она руководится только своим разумом, только тем сложным, недлимым и несравнимым элементом человеческого существа, которое мы называем духовной личностью человека.

Творец всякой философской системы накладывает на нее всецело свою личность. Он может создать свой собственный язык понятий, он исходит из непонятных для других переживаний и перечувствований окружающего, он все окружающее облекает в странные иногда и причудливые формы своего я. Этим бытием своего я он своеобразно оживляет окружающее.

И во все растущую, вѣковую культурную атмосферу созданий человеческой мысли и чувства, которая окружает нас и соединяет нас с давно минувшим, самостоятельно мыслящий философ бросает частицу своего я, результат самоуглубления, отражения жизни и знания в своей духовной личности.

Эта творческая работа философов суждена немногим. С каждым поколѣнием перед нами становятся все новые и новые философскія концепции—эти своеобразные, друг к другу не сводимые создания личностей! И всюду, в них, новое поколѣние открывает при их изучении новые, раньше неизвестные черты. Изучая эти философскія системы, мы как бы охватываем различные проявления человеческих личностей, каждая из которых бесконечна и бессмертна. Новая философская концепция не замѣняет и не погашает старых, как не погашают старых созданий искусства новые акты творчества.

Она не теряет своего живого значения и влияния на человеческую мысль даже тогда, когда падет вѣра в ее истинность, окажутся неверными и неправильными основные ее выводы и построения. В ней остается неразложимое и неуничтожаемое зерно, тѣсно связанное с реально существовавшей духовной личностью, выражением которой она является.

Есть или нѣтъ что-нибудь общее между этими философскими

концепціями? Откроетъ ли передъ нами ихъ изученіе что-нибудь такое, что напрасно пыталась высказать и выразить отдѣльная личность? Есть ли въ ходѣ развитія философскихъ идей своеобразная законность, дастъ ли намъ ихъ изученіе по существу новое, заставить новымъ образомъ углубиться въ безконечное, насъ окружающее и насъ проникающее? Есть ли *смыслъ* и есть ли *законность* въ исторіи философіи?

Эти вопросы, по существу два послѣднихъ, неизбежно становятся передъ всякимъ изслѣдователемъ исторіи философіи. Философъ, обращающій свое вниманіе на эти явленія, ищущій *смысла* въ философскомъ процессѣ, стремищійся этимъ путемъ углубиться въ пониманіе неизвѣданнаго, невольно становится ученымъ, какъ только онъ вступаетъ въ область исторіи философіи, подымаетъ вопросъ о ея законностяхъ, о ходѣ развитія философской мысли. Самостоятельный мыслитель въ этой пограничной области неизбежно вдвигается въ строгія рамки научнаго изслѣдователя.

III.

Эта двойственная сторона умственной дѣятельности всякаго философа, становящагося историкомъ философіи накладываетъ на его работу оригинальный отпечатокъ. Она не остается безслѣдной ни для его философскаго мышленія, ни для его научной работы.

Ярко и глубоко эта двойственная сторона духовнаго творчества сказалась въ недолгой жизни С. Н. Трубецкого.

Еще въ послѣдніе мѣсяцы жизни, его интересы сосредоточивались одновременно въ двухъ областяхъ — въ философіи и въ наукѣ. Съ одной стороны, онъ углублялся въ развитіе своеобразной, очень глубокой, мистической стороны своего мышленія, вращаясь въ области идей, связанныхъ съ ученіемъ о логосѣ и съ допущеніемъ эоновъ. Съ другой стороны, всѣ его научные интересы были сосредоточены въ области исторіи древняго христіанства, критики текста книгъ Завѣта, исторіи греческой философіи — одновременно, какъ самаго древняго ея періода, такъ и ея конца — эпохи неоплатониковъ. Онъ подходилъ къ еще болѣе широкимъ вопросамъ — къ исторіи религій, углубляясь въ исторію религій греческой. Близкій

области археологии и языка захватывались его мятущимся духомъ, и по мѣрѣ расширения его научной работы все болѣе углублялась и все болѣе обострялась его философская мысль. Все строже, осторожнѣе и болѣе критически онъ относился къ тому матеріалу, на которомъ покоились его выводы. Изъ его философскихъ концепцій стнадало то, что могло быть охвачено научнымъ мышленіемъ, и тѣмъ самымъ философская работа уходила въ проблемы, недоступныя знанію.

Его философскій интересъ, казалось, сосредоточивался въ областяхъ, самыхъ далекихъ отъ научной работы. Вопросы религіознаго міосниса, обоснованій вѣры, мистическаго созерцанія неотступно захватывали его; къ нимъ онъ возвращался неуклонно въ теченіе всей своей дѣятельности. И можно сказать, что постепенно онъ подходилъ къ нимъ все ближе и ближе, по мѣрѣ того, какъ выяснились для него вопросы теоріи познанія, какъ онъ составлять себѣ сужденіе объ основахъ живыхъ и господствующихъ въ его время философскихъ построеній. Эти вопросы должны были увлечь его философскія созданія, если бы онъ когда-нибудь подошелъ къ связанному и цѣлостному изложенію своей философской системы. Но его душѣ былъ чуждъ догматизмъ философа-систематика, и онъ касался отдѣльныхъ проблемъ, не сводя ихъ въ одно цѣлос.

Идеалистъ-философъ съ рѣзкой мистической основой своего міропониманія, въ то же время являлся крупнымъ ученымъ, владѣющимъ веѣмъ аппаратомъ ученаго XX в.—этимъ наслѣдіемъ многолѣтковой работы ученыхъ поколѣній. Я живо помню, какъ онъ глубоко и ярко чувствовалъ эту вѣковую связь, когда онъ указывалъ на значеніе критики текста Завѣта, созданной строгой, критически-безопасной, научной работой ученыхъ двухъ столѣтій и какъ онъ учился на этой работѣ историческому пониманію болѣе близкихъ ему областей исторіи мысли.

Какъ могъ *мистикъ* сознательно и энергично вести эту тяжелую научную работу, все углубляя ее и расширяя? Мистицизмъ кажется не только чуждымъ и враждебнымъ научному мышленію—онъ является на первый взглядъ разрушителемъ философскаго міропониманія. Ибо, казалось, для мистика исчезаютъ не только значеніе и законности научнаго міровоззрѣнія, но и разумность философскихъ

обобщений. Глубокимъ слѣніемъ съ неизвѣстнымъ, уходомъ въ области духа, равно далекія и отъ научной работы и отъ философскаго разума, мистикъ подходитъ къ тѣмъ переживаніямъ человѣческой личности, которыя имѣютъ себѣ выраженіе въ религіозномъ творчествѣ и религіозномъ сознаніи. А между тѣмъ глубоко мистически настроенный Трубецкой былъ не только строгимъ ученымъ, онъ въ своемъ философскомъ идеализмѣ былъ строго критическимъ мыслителемъ. Смѣло и безбоязненно подходилъ онъ къ самымъ крайнимъ положеніямъ философскаго скепсиса и этимъ путемъ оживлялъ и очищалъ основы своего философскаго познанія.

Это соединеніе глубокаго мистицизма и проникнутой имъ вѣры, критическаго—почти скептическаго—идеализма и строгаго научнаго мышленія представляетъ ту удивительную загадку, какую даетъ жизнь этого замѣчательнаго русскаго мыслителя.

Вдумываясь и всматриваясь въ жизнь этого дорогого, еще недавно бывшаго здѣсь человѣка, невольно останавливаешься надъ этимъ вопросомъ и этой мыслью о его личности подымаясь къ глубокимъ проблемамъ человѣческаго существованія.

IV.

Въ этомъ облагораживающемъ и глубокомъ вліянніи, какое оказываетъ попытка *понять* его духовное бытіе — сказывается сила и красота его духовной личности.

Какимъ образомъ онъ совмѣщалъ, казалось, несовмѣстимое? Разгадкой служить *искренность* его жизни, цѣлостность его духовной личности.

Мистика является одной изъ самыхъ глубокихъ сторонъ человеческой жизни. Если мы всмотримся въ жизнь мистиковъ, мы увидимъ, что они жертвуютъ для мистическихъ настроеній *всѣмъ*. И въ то же время, если мы прослѣдимъ исторію мистики, мы видимъ, какъ легко мистическій порывъ человеческой души, выразившійся въ глубокой идеѣ, въ великомъ настроеніи или въ красивой интуиціи, покрывается наростомъ пустыхъ словъ, безсодержательныхъ символизаций, мелкихъ желаній и грубыхъ предразсудковъ, если только мистика всецѣло и безъ сопротивленія охватываетъ человѣка.

Какъ только мистическое настроеніе начинаетъ охватывать широкіе слои, какъ только оно начинаетъ непрерывно и доминирующе длиться года,—оно обволакивается образами и созданіями, по существу ему чуждыми, по которымъ человѣкъ пытается дать хоть сколько-нибудь понятное, земное выраженіе неуловимому и невыражаемому словами или образами мистическому настроенію. За этими печальными созданіями неудачныхъ стремленій теряется глубокое содержаніе мистическаго настроенія и мистическаго міропониманія. Исторія мистики, главнымъ образомъ, вращается въ этой грубой корѣ, — корѣ разбитыхъ стремленій, — совершенно обволакивающей внутреннее содержаніе мистическихъ настроеній. Эти грубые символы и странные образы даютъ почву той игрѣ въ мистицизмъ и мистическое настроеніе, выраженіе которой мы видимъ въ современной литературѣ—русской и западно-европейской.

Для того, чтобы дойти до мистики, надо прорвать этотъ туманъ мистическихъ наводженій, надо подняться выше всей этой сложной, временами грубой, иногда изящной и красивой символики. Надо понять ея смыслъ и не даться въ руки ея засасывающему и опьяняющему вліянію.

Трубецкой стоялъ выше этой символики. Онъ переживалъ сліяніе съ Сущимъ, онъ психодилъ изъ мистическаго міропониманія. На немъ строилось его религіозное чувство. Но онъ не подчинился ему и его образамъ своей личности. Личность его оставалась свободной, она получала лишь опору въ мистицизмъ и въ чувствіе безконечнаго и въ сліяніи съ нимъ находила поразительную силу для своего проявленія въ жизни. Благодаря *цѣлостности* его личности, всѣ другія ея стороны получали на этомъ общемъ фонѣ необычное въ нашей окружающей жизни выраженіе. Онъ ею не затемнялся и не погашался.

Онъ всегда оставался самимъ собой, всюду проявлялъ себя всего. Будучи мистикомъ, онъ въ философіи оказался критическимъ идеалистомъ, въ наукѣ строгимъ и точнымъ изслѣдователемъ, въ общественной жизни сознательнымъ дѣятелемъ. Философскимъ мышленіемъ и научной работой онъ замѣнилъ ненужныя ему символическія формы мистическихъ настроеній. Въ гармоніи ихъ — въ своей личности — онъ могъ убѣдиться, что несогласія противорѣчія между этими сторонами человѣческаго существа рождаются

лишь при подавленіи какой-нибудь одной его стороной другихъ ея проявленій.

Благодаря этому мы наблюдаемъ въ его жизни и въ философскомъ мышленіи живой примѣръ глубокой гармоніи обычно-раздѣленныхъ проявленій духовной жизни человѣка — мистическихъ элементовъ вѣры, философскаго мышленія и научной мысли. Его *личность* всюду вносила необходимый коррективъ и создавала своеобразную гармонію. Ея созданіе, его философская система, является одной изъ наиболѣе оригинальныхъ и глубокихъ проявленій свободного личнаго творчества. Этимъ она получаетъ чрезвычайно цѣлостное выраженіе. Вслѣдствіе этого нѣкоторые вносимыя Трубецкимъ въ свою философскую мысль поправки и оговорки кажутся неожиданными для людей, привыкшихъ къ логической послѣдовательности строго раціоналистическаго проявленія философскаго творчества. Они глубоко ирраціональны, ибо коренятся въ неподдающейся раціонализированію свободной личности.

Тѣсно слившись съ русской дѣйствительностью и отражая въ философской системѣ свою личность, Трубецкой былъ однимъ изъ первыхъ оригинальныхъ, чисто *русскихъ* философовъ.

Онъ явился благодаря этому новой, глубоко своеобразной фигурой въ исторіи русскаго культурнаго общества. Ибо самостоятельная систематическая философская мысль есть явленіе новое, только-что нарождающееся въ исторіи русской культуры. Въ то самое время, какъ въ искусствѣ и наукѣ русское общество давно уже явилось огромной всечеловѣческой культурной силой, — въ философіи его работа лишь начинается.

Культурная работа общества отнюдь не ограничивается готовыми созданіями творческихъ силъ его членовъ. Здѣсь не менѣе, можетъ быть болѣе важенъ — самый *процессъ* творчества, происходящій въ средѣ общества. Важно не то, чтобы тѣ или иные системы, тѣ или иные научныя изслѣдованія, тѣ или иные произведенія искусства были созданы членами русскаго общества — важно, чтобы они вырабатывались въ его средѣ, чтобы они черпали свою силу, свое содержаніе, свои формы въ жизни этого общества, въ его быломъ, въ его надеждахъ будущаго, въ окружающей и ожидающей его природѣ и обстановкѣ. Только этимъ путемъ растетъ и подымается культурная сила общества.